

821.161.1'06-7
 ID ORCID 0000-0002-7226-6823
 DOI 10.33625/2409-2347-2019-5-24-27

Зборовец І. В.
 Харьковская государственная академия культуры

ЭПОПЕЯ МУДРОГО СМЕХА. О НОВОЙ КНИГЕ ПОЭТА А. ЖИТНИЦКОГО

Зборовец І. В. Епопея мудрого смеха. О новой книге поэта А. Житницкого. В статье рассмотрен юмористический сборник А. Житницкого «Козлиада», состоящий из трех разделов: литературные пародии, эпиграммы и смешные истории в стихах. Изучены восемь десятков стихотворений первого раздела, пародирующих известный сюжет о судьбе бабушкиного козлика с точки зрения различных авторов; раздел «Грамм эпиграммы», представленный как продолжение книги того же автора «С лиры — по нотке» (2000), где собраны эпиграммы на подлинных и мнимых харьковчан. Проанализированы истории третьего раздела «Разные разности» — близкие по жанру к басне, напоминающие шутку, анекдот, а также смешинки для детей. Доказано, что зрелое искусство смеха А. Житницкого обогащается новыми достижениями как в идейном содержании, так и в области мастерства, оригинального использования средств комического. Книга адресована широкому кругу читателей, обладающих чувством юмора.

Ключевые слова: литературная пародия, эпиграмма, смешная история.

Зборовец І. В. Епопея розумного сміху. Про нову книгу поета А. Житницького. У статті розглянуто гумористичну збірку А. Житницького «Козліада», що складається з трьох розділів: літературні пародії, епіграми і веселі історії у віршах. Оцінено вісім десятків віршів першого розділу, які пародіюють відомий сюжет про долю бабусяного цапка з точки зору різних авторів; розглянуто розділ «Грамм епіграмми», представлений як своєрідне продовження книги того самого автора «З лири по одній ноті» (2000), де маємо дотепні характеристики справжніх і уявних харків'ян. Проаналізовано історії третього розділу, наближені за жанром до байки, що нагадують жарт, анекдот, а також смішинки для дітей. Доведено, що зріле мистецтво сміху А. Житницького збагачено новими досягненнями як в ідейному розумінні, так і в галузі майстерності, оригінального використання засобів комічного. Книга розрахована на широке коло читачів, які мають почуття гумору.

Ключові слова: літературна пародія, епіграма, весела історія.
Zborovets I. Epic of wise laughter. About the new book of the poet A. Zhitnitsky. The new humorous collection by A. Zhitnitsky "Kozliada" consists of three sections: literary parodies, epigrams, and funny stories in verse. The first section presents eight dozen poems that parody the old story about the fate of the grandmother's goat from the point of view of various authors.

It is proved that the author of "Kozliada" preserves and develops in his work the traditions of the Kharkov school of literary parody. At the same time, innovation is inherent in him, an inexhaustible wealth of shades of humor, coming from the unique personality of the poet.

As a master of laughter, A. Zhitnitsky is close to the school of A. P. Chekhov and is prone to Chekhov's game between form and content, I record the devaluation of the word. A literary parody is a complex phenomenon. This is a stylization with the goal of debunking what is healing itself. It combines the effect of recognition on the part of readers and the discrediting of someone else's style by means of a comic by the parodist, which helps us see the flaws of the author's manner.

In the article A. Zhitnitsky is shown as a mockingbird. He hypnotizes us by reproducing someone else's voice so skillfully that we recognize the intonation of the author, we feel his gesture.

A parodist is destructive by the nature of his talent. He decomposes the style of one or another author into composite elements and sharpen them (parodies of verses by E. Evtushenko, B. Akhmadulina, E. Dolmatovskiy, V. Lebedev-Kumach, M. Matusovsky, B. Okudzhava, G. Pozhenyan, I. Reznik and many others).

Zhitnitsky is ironic at the "lonely accordion" of M. Isakovskiy, over the expression "good must be with fists" by S. Kunyaev, over the melancholy of B. Slutskiy "something physics in honor, something lyrics in the pen", with a mockery demonstrates the set

of "romantic" vocabulary of M. Svetlov, scoffs at the intellectual phraseology of M. Tsvetaeva. The parodist brilliantly "butted" the poets of the past and contemporaries, removed the halo from idols, laughed at their deification. The "Grams of an Epigram" section is a peculiar continuation of A. Zhitnitsky's book "From the Lyre – a Note" (2000), which contains epigrams on fake and imaginary Kharkovites. Epigrams attract the attention of local scientists, writers, cultural figures, artists, famous athletes. Sharp, full of epigram poison on S. Babaevskiy, G. Vladimov, A. Gorbenko, E. Evtushenko, V. Minko, A. Zholdak, I. Evsu and others.

At the same time, A. Zhitnitsky has epigrams warm, benevolent, friendly to those whom he loves: poetess M. Rakhlin, director of the Art Museum V. Myzgin, director I. Boris, teacher F. Chemerovskiy. In fact, these are no longer epigrams, but real odes in which there is no irony.

Funny stories of the author of the book are interesting for readers of different ages. Within the framework of this genre, the poet feels absolutely free. The third section contains mockery of the everyday phenomena of our life of a critical and instructive orientation. The poet gives children "animals", and "pensioner" – for children. A. Zhitnitsky has "mixers" that resemble a parody ("The House in which the owner of the housing office"), a fable ("The Queen of Ice"), a joke ("A Wonderful Tale of a Wonderful Miracle"). The art of laughter of A. Zhitnitsky is aimed at reassessing values, overcoming dogmas and patterns, at calculating with outdated ideology, morality, and ethics. The poet's irony and humor bring up healthy skepticism and criticism, teach to distinguish between the living and the dead in today's difficult life.

Keywords: literary parody, epigram, funny story.

Постановка теми. Харьковский читатель получил щедрый дар от любимого украинцами поэта Анатолия Житницкого — книгу литературных пародий, эпиграмм и смешных историй в стихах, продолжение юмористического сборника «С лиры — по нотке».

Какое место займут новые произведения известного пародиста в информационном потоке? Будет ли его «Козлиада» элитарным — или массовым изданием? И какова сегодня социальная функция смеха?

Помним, как в годы общественного застоя ЦТ широко использовало юмор и сатиру для развлечения и воспитания советских людей. Очень популярен был Аркадий Райкин. Миллионная аудитория телезрителей в каждом концерте с нетерпением ожидала появления на экране литературного пародиста Александра Иванова. Его изумительные выступления нравились публике. Смешила нас и кукла Венера Пустомельская, кандидат околосельских наук. В концертах возродили даже игру в буриме. О литературных пародиях, о феномене палиндромов появились статьи в журнале «Наука и жизнь», имевшем широкую подписку.

Но смеяться над нелепостями советской жизни не разрешали. Когда в театральной сценке спрашивали актера: «Почему ты сидишь на мешке с картофелем?», он отвечал: «Что же здесь странного? Весь Советский Союз на картошке сидит!» — говорят, были неприятности и режис-

серу, и актерам. Мастера смеха глубоко сожалеют о безвременной кончине советского режима, рождавшего полноводный источник народной сатиры и красочных монстров. Зная традиции нашей страны, можно было не сомневаться, что за очередным чучелом дело не станет. Так и случилось. Запомнились удачные кукольные фильмы, высмеивающие президента Януковича, его окружение и Тимошенко с золотой косой.

В наши дни жанры литературных пародий, эпиграмм, веселых историй отступили на второй-третий план. Ушла в лучший мир и та часть вузовской научной интеллигенции, которая эти жанры любила и в них нуждалась по своим духовным запросам. Образовалась пустота.

Поэтому публикация «Козлиады» А. Житницкого стала событием, неожиданным фонтаном смеха, оживляющим все вокруг.

Анализ последних исследований и публикаций. «Козлиада» имеет богатую предысторию. Жанр местной пародии сложился в среде филологов университета при активном участии творческой интеллигенции Санкт-Петербурга. В 1925 г. анонимно выпускается небольшая книжечка «Парнас дыбом», которой была суждена долгая жизнь. В дальнейшем имена ее соавторов А. Финкеля, А. Розенберга и Э. Паперной стали известны. Исследуя индивидуальный стиль писателей-классиков разных эпох, ученые предложили моделировать его особенности, представить себе, как бы разрабатывал конкретный автор какой-либо известный сюжет. Это был эксперимент. Ученые не собирались пародировать чужие произведения, а искали способ выявить феномен стиля данного автора путем подражания его манере.

Эксперимент дал неожиданный результат — искрящуюся смехом пародию. Так серьезное занятие трех филологов обернулось подарком любителям смешного, вошло в сокровищницу харьковского юмора. Автор «Козлиады» сберегает и развивает традиции местной школы литературной пародии. Он продолжает дело своих учителей и успешно доказывает, что идея шуточного выстраивания авторского текста на основе популярного и сегодня жива, обогащая литературу юмора и сатиры новыми открытиями. В пародиях и эпиграммах А. Житницкого — неиссякаемое богатство оттенков юмора, идущих от уникальной личности поэта [1].

По словам Л. Фризмана, «пародия по-своему помогала литературе меняться, развиваться, двигаться вперед и, смеясь, прощаться с прошлым». Пародисты стремились «избирать мишенью своего остроумия отжившее, дискредитировать ложные авторитеты, указывать читателю на незамеченные им слабости незаслуженно прославленных произведений» [5].

Цель статьи — исследовать феномен мастерства автора «Козлиады» как создателя литературных пародий, эпиграмм, веселых историй.

Изложение основного материала исследования. Дар подмечать смешное в людях и в жизни дается человеку от природы. Как существуют «хмурые люди» А. П. Чехова, так и рождаются их антиподы — умы, полные юмора, необидной

насмешки, иронии. Все это есть в натуре А. Житницкого, который и добродушно смеется, и пускает сатирические стрелы. Его талант многогранен: он выступает и как страстный гражданский поэт, и как нежнейший лирик. Но в любом жанре у А. Житницкого все проникнуто неизменным чувством юмора, из всего автору удастся извлечь шутку, а над уродливым в жизни — посмеяться. Литературная пародия — любимый жанр поэта.

Способность к пародированию чужого текста — тоже врожденное качество. Пародия близка к стилизации, например «Шестая повесть И. П. Белкина» М. Зощенко [2] или «Возвращение Онегина» А. Хазина [6]. Но стилизация — это воссоздание художественной манеры писателя. Стилизатор может и не использовать юмор, сатиру, поскольку его взгляд на чужое творчество лишен насмешки, иронии.

А. Житницкий близок к А. П. Чехову, который спорил с традициями, пародировал роман, высмеивал загадочные натуры, высокие страсти, трагические вопросы, сбросил с пьедестала и «лишнего», и «маленького» человека. Русская литература сочувствовала угнетенному чиновнику. А. П. Чехов представил его как нравственного уродца, посмеялся над его добровольным самоуничтожением перед чином, показал, что люди поклоняются призрачным ценностям. Фигура Тонкого вызывает смех и издевательство. Жизнь в рассказах А. П. Чехова бездуховна, ничтожна, абсурдна. Все деградирует, формализуется, обезличивается. В этом выродившемся мире все одинаково ничтожно — и богатые, и бедные. Печать пошлости, печать упадка лежит на всех чеховских персонажах, в которых автор обнаруживает новые формы искажения личности. По словам А. Суконика, А. П. Чехов, «как ворон, питался от тела русской литературы. Его взгляд на жизнь и культуру абсолютно мертв и потому свободен» [4].

А. Житницкий склонен к чеховской игре между формой и содержанием, выявляя стереотипы, штампы, хронические повторы, к которым все привыкли. Пародист фиксирует не только девальвацию слова. В авторской манере он обнаруживает и признаки распада стиля, творческое оскудение писателя, невольно предсказывает его судьбу.

Для создания литературной пародии мало одного таланта. Необходимо конгениальное духовное развитие и особое эмоциональное состояние. Бальзаку приписывают слова: «Стиль — это человек». Выявить за индивидуальной манерой живого писателя, святого и грешного, непросто. А. Житницкий берет широко известный сюжет «Жил-был у бабушки серенький козлик...» и разрабатывает его в духе того или иного автора, тонко пародируя его поэтику высказывания. И поскольку перед нами разные творческие натуры, возникает множество вариантов истории козлика.

В богатом воображении пародиста эту историю «рассказывают» и поэты «серебряного века» Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Цветаева, М. Волошин, и авторы 1920-х годов С. Есенин, Н. Заболоцкий, Н. Клюев, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, М. Светлов, И. Сельвинский, и шестидесятники Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина,

А. Вознесенский, В. Высоцкий, А. Галич, Р. Рождественский, и поэты-песенники Н. Добронравов, Е. Долматовский, В. Лебедев-Кумач, М. Матусовский, Б. Окуджава, Г. Поженян, И. Резник, М. Танич. Досталось и классикам — А. Блоку, М. Горькому, А. Кольцову, М. Лермонтову, Н. Некрасову, А. Пушкину, А. Толстому, Ф. Тютчеву, А. Фету... Какие неповторимые личности!

Трудная работа пародиста и состоит в том, чтобы настроить камертон на «звучание» каждого автора. В одном случае история козлика содержит торжественные, даже героические мотивы, в другом она имеет сентиментальный оттенок, в третьем перед нами разворачивается романтическая драма, в четвертом пародист, подавляя смех, приближается к жанру трагедии, в пятом вызывает скуку в стиле унылого реализма, в шестом сочиняет комедию.

Автор «Козлиады» то акцентирует сюжетную линию бабушки, обрекая ее на съедение волкам, то выдвигает на первый план тему страшного леса, где волки подстерегают глупого козлика, то предлагает новый поворот сюжета, заставляя своего героя влюбиться в козочку.

Литературная пародия — сложное явление. Это стилизация с целью развенчания того, что себя исчерпало, набило оскомину. В ней соединяются эффект узнавания со стороны читателя и дискредитация чужого стиля средствами комического со стороны пародиста, который помогает нам увидеть изъяны авторской манеры.

В пародиях А. Житницкого заметны десентиментализация и деромантизация. Он любит почеховски снижать высокую, высмеивая стремление автора к изысканности, художественной чопорности. Так, в пародии на стихи Б. Ахмадулиной подчеркнуты манерность поэтессы, ее претенциозность, надуманность образов, вычурность лексики. С иронией моделируя стихи Э. Асадова, любимые и в народной среде, и в кругах советской интеллигенции, пародист снижает их чрезмерно завышенную оценку. Он предлагает нам посмотреть другими глазами и на популярный когда-то романс «Пара гнедых», затертый, запетый до невероятности, а по сути нелепый, пустой.

А. Житницкий — пересмешиник. То он представляется попугаем, то лукаво подмигивает читателю, то делает вид, будто он ерник, то гипнотизирует нас воспроизведением чужого голоса так искусно, что мы узнаем интонацию автора, чувствуем его жест. Мастерство поэта неистощимо. Пародию на стихи А. Барто мы воспринимаем как «детский стиль» и слышим голос ребенка! А как виртуозно автор пародирует медлительную строку И. Бродского, похожую на тяжелый рок или гекзаметр! Поэт намеренно берет высшие образцы лирической поэзии и снимает с них хрестоматийный глянец: «Буря мглою небо кроет» А. С. Пушкина, «На заре туманной юности» А. Кольцова, «Я встретил вас...» Ф. Тютчева, «Шепот, робкое дыханье...» А. Фета, «Нелюдимо наше море» Н. Языкова и другие.

А. Житницкий деструктивен по природе своего таланта. Он разлагает стиль М. Богославского на составные элементы, и мы чувствуем явное тяготение автора к сексу, его стремление бесконечно нравиться женщинам. Действительно,

в центре лирики М. Богославского — фаллос, и скрыть это невозможно.

В свое время Е. Долматовский сочинил стихи-подхалимаж о советской девушке и ее идеальных отношениях с родным государством. Начинались стихи так: «Ясной ночью весенней при луне / Мой товарищ задавал вопросы мне...» (тогда все были *товарищи*, даже любовники). На эти строки написали музыку, выпустили пластинку, которую слушали в послевоенные годы. *Товарищ* этой девушки задает ей провокационные вопросы (счастлива ли она? богата ли?), на которые получает идейно правильные ответы, но только взглядом и жестом! По-видимому, сам поэт не ощутил нелепость того, что вышло из-под его пера. А Житницкий помог ему это понять в пародии «Спетая песня».

Пародист иронизирует над «одиноким гармонью» М. Исаковского, над выражением «добро должно быть с кулаками» у С. Куняева, над меланхолией Б. Слуцкого «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», с насмешкой демонстрирует набор «романтической» лексики М. Светлова: песня «Яблочко», Гренада, Каховка и бронепоезд, который до сих пор стоит на запасном пути. У А. Житницкого заметна издевка над интеллигентской фразеологией М. Цветаевой: здесь и «целование», и «надменные губы», и «локоны в виде спирали», и выражение «не мною больны», и кавалер де Грие.

«Песня о сером козлике» — дискредитация известного стихотворения в прозе М. Горького, одна из больших творческих удач пародиста, который заострил разрыв между романтическим ожиданием «бури» и ужасами реальной революции, подчеркнув, что создатель «Песни о Соколе», подобно козлику, «что-то понял очень поздно».

А. Житницкий шутливо «боднул» поэтов прошлого и современников, снял ореол с кумиров, посмеялся над их обожествлением.

Литература XX века богата на сочинителей эпиграмм. Вошли в историю А. Архангельский, Эмиль Кроткий, А. Раскин, А. Иванов. Свой голос отличает А. Житницкого, который высмеивает распространённое явление: коллекционирование знаменитостей для придания большего веса стране или родному городу. Вдруг были обнаружены украинские корни Ф. М. Достоевского на Волыни. Сенсация! Оказывается, великий классик — на четверть украинец! И патриоты ликуют!

А. Житницкий сочинил эпиграммы и на реальных уроженцев Харькова — ученых, писателей, деятелей культуры и искусств, и на знаменитостей, имеющих к нему весьма отдаленное отношение («седьмая вода на киселе»). Поэт иронизирует над чрезмерным завышением роли харьковчан в мировой истории.

Остры, полны яда эпиграммы на графомана С. Бабаевского, писателя-эмигранта Г. Владимова, театроведа А. Горбенко, поэта Е. Евтушенко, театрального режиссера А. Жолдака, украинского драматурга В. Минко, поэтессу И. Евсу и других.

Но есть у А. Житницкого эпиграммы теплые, благожелательные, дружеские на тех, кого он любит, кто ему симпатичен: поэтессу М. Рахлину, директора Харьковского художественного музея

В. Мызгину, режиссера И. Бориса и недавно умершего Ф. Чемеровского. По сути, это уже не эпиграммы, а настоящие оды!

Смешные истории А. Житницкого привлекают внимание читателей разного возраста: и от двух до пяти, и школьников, и студентов, и деловых женщин и мужчин, и дам бальзаковского возраста, и старушек-одуванчиков. Не скованный рамками пародии или эпиграммы, поэт чувствует себя в этом жанре свободным, и юмор его фонтанирует. Автор смешит нас то рифмами к слову «дефицит», то цитатами вроде «Быть знаменитым некрасиво», то предлагает детям «зверизмы», а пенсионерам — «радикулизмы». Есть у поэта смешинки, которые напоминают пародию («Дом, в котором хозяин ЖЭК»), басню («Корова на льду», «Грипп, насморк и простуда» и др.), анекдот («Чудная история про чудное чудо», «Задержано доставкой», «Дурацкие размышления о дураке»). В конце жалеешь о том, что перевернута последняя страница и праздник смеха кончился.

Выводы. В названии «Козлиада» чувствуется эпический размах. Не подумайте, будто автор иронизирует над собственным творением. Книгу А. Житницкого можно воспринимать как предварительные итоги долгого пути и большого труда. Это действительно эпопея смеха, охватывающая целый исторический период.

А. Житницкий близок к природе чеховского комизма: та же естественная склонность к юмору, иронии, этическому и философскому подтексту. Юмор для автора «Козлиады» — форма свободного самовыражения в шутках, пародиях, эпиграммах, забавных историях, смешных мелочишках. Чеховское проявляется у него порой в слиянии юмора и сатиры, в смехе над низким уровнем знаний у студентов, в профанировании того, что казалось идеалом, в непочтительности к авторитетам, в дегероизации вчерашних и нынешних кумиров.

Искусство смеха поэта устремлено к переоценке ценностей, преодолению догм и шаблонов, к расчету с устаревшим в идеологии, морали, этике. В его стихах нет передразнивания, гримасы, дули в кармане. Его пародии излучают ровный свет, способный принять множество оттенков. И это богатство многомерности является заметным достижением его мудрого юмора. Стиль зрелых пародий и эпиграмм наиболее полно выражает индивидуальность поэта, его личность.

Его литературные пародии вскрывают несовершенство языка, мышления и духовной организации авторов, их внутреннюю несостоятельность, обнаруживают за эффектной формой пустоту. Сатирик порицает неоправданный оптимизм, бездумную веселость, поверхностное отношение к жизни и к людям. Известно, что пародируемое литературное направление себя изживает [3]. Так произошло и с историческим оптимизмом советской литературы.

А. Житницкий на многое заставляет нас посмотреть мудро и свежо, отказаться от мнимых авторитетов, искусственно создаваемых «богов». Если писателя можно пародировать, значит, его манера «забронзовела», и это начало конца, закат художника слова. Мастер замечает эти симптомы увядания писателя как в прошлом, так и в настоящем.

Эпиграммы, веселые истории — золотая россыпь смешинок поэта, протуберанцы его доброго, все понимающего юмора, иронии, которые выполняют особую функцию, оберегая нас от наивной веры в добро, гармонию, счастье, успех, воспитывают здоровый скептицизм и критицизм, учат различать живое и омертвевшее в сегодняшней непростой жизни.

А. Житницкий поднимает значение литературы в наши дни, спасая юмор и сатиру от «волков», оставляющих только «рожки да ножки». Уедет цирк, уйдут слоны, но останется искрометный, жизнеутверждающий юмор поэта с его «зверизмами», «коровой на льду», «талантливым кузнечиком», «лягушонком Вилли», «танцующими орангутангами».

Перспектива дальнейших исследований. Планируем продолжить изучение мастерства А. Житницкого в области комического.

Литература:

1. Кузнецов Э. В русле харьковских традиций [Текст] / Э. Кузнецов // Житницкий А. З. Козлиада, или Трагическая история о сереньком козлике, который жил у очень любившей его бабушки и который, не спросив, отправился в лес погуляти, а там встретил серого волка, который оставил от серенького козлика только рожки да ножки... : лит. пародии, эпиграммы и разные смешные истории / А. Житницкий ; предисл. Э. Кузнецова, послесл. М. Красикова ; рис. В. Кравца. — Х. : Эксклюзив, 2018. — С. 3–7. — ISBN 978-617-7204-53-3.
2. Зошенко М. Шестая повесть И. Т. Белкина [«Талисман»] [Текст] / М. Зошенко // Звезда. — 1937. — № 1. — С. 25–32.
3. Пропп В. Я. Проблема смеха и комизма [Текст] / В. Я. Пропп // Русская литература XIX–XX веков. — Л. : ЛГУ, 1971. — С. 167–168. — (Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук ; вып. 76).
4. Суконик А. О Чехове, Ляле-комсомолочке и вообще об оборотности судьбы-злодейки [Текст] / А. Суконик // Литературное обозрение. — 1990. — № 9. — С. 44–53.
5. Фризман Л. Второе рождение [Текст] / Л. Фризман // Паперная Э. С., Розенберг А. Г., Финкель А. М. Парнас дыбом : лит. пародии. — М. : Худож. лит., 1990. — С. 9.
6. Хазин А. Возвращение Онегина [Фрагменты] [Текст] / А. Хазин // Ленинград. — 1946. — № 10.

References:

1. Kuznetsov, E. (2018). V rusle kharkovskikh traditsiy [Follows the Kharkiv traditions]. In A. Z. Zhitnitsky. *Kozliada, ili Tragicheskaya istoriya o seren'kom kozlike, kotoryi zhl u ochen' lyubivshei ego babushki i kotoryi, ne sprosyas', otpravilsya v les pogulyati, a tam vstretil serogo volka, kotoryi ostavil ot seren'kogo kozlika tol'ko rozhki da nozhki...* (pp. 3–7). Kharkiv : Eksklyuziv. (In Russian)
2. Zoshchenko, M. (1937). *Shestaya povest I. T. Belkina* [The Sixth Tale of I. T. Belkin]. *Zvezda*, 1, 25–32. (In Russian)
3. Propp, V. Ya. (1971). Problema smekha i komizma [The problem of laughter and comic]. In *Russkaya literatura XIX–XX vekov : Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*. (Issue 76), (pp. 167–168). Leningrad : LGU. (In Russian)
4. Sukonik, A. (1990). O Chekhove, Lyale-komsomolochke i voobshche ob oborotnosti sud'by-zlodeyki [About Chekhov, Lyalya-Komsomolka and generally about the reverse of fate-villains]. *Literaturnoe obozrenie*, 9, 44–53. (In Russian)
5. Frizman, L. (1990). Vtoroye rozhdeniye [Second birth]. In E. S. Papernaya, A. G. Rozenberg & A. M. Finkel'. *Parnas dybom*, (pp. 9). Moscow : Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
6. Khazin, A. (1946). *Vozvrashcheniye Onegina* [Onegin's Return]. *Leningrad*, 10. (In Russian)

15.06.2019